

Максимов В.Е. Цена нашего изгнания // Максимов В.Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т.9: дополнительный. – М.: Терра, 1993. – С. 148-152.

Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий. – СПб: Амфора, 2002. – 248 с.

Солженицын А.И. Всероссийская Мемуарная Библиотека. Обращение к российским эмигрантам // Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб. Т. 7. В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. – С. 234-236.

Вайль П., Генис А. Потерянный рай // Новый мир. – 1992. – № 9. – С. 135-165.

Генис А. Третья волна: примерка свободы [О литературной эмиграции третьей волны] // Звезда. – 2010. – № 5. – С. 211.

Довлатов С. Выступление на конференции «Русская литература в эмиграции: третья волна» // Новый американец. – 1981. – № 67. – С. 10-12

Глэд Джон. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. – М.: Книжная палата, 1991. – 319 с.

УДК 070.4

Е.В. Первалова

Московский политехнический университет

МИССИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЙ М.Н. КАТКОВА)

В статье выявляются взгляды известного российско-го публициста, редактора и издателя второй половины XIX в. М.Н. Каткова на миссию журналистики в обществе. Указывается, что журналистскую деятельность Катков рассматривал как политическую обязанность, а свою задачу публициста видел в том, чтобы отстаивать интересы императора и народа России. Доказывается, что главным принципом профессиональной журналистской деятельности Катков считал независимость и свободу выражения мнений.

Ключевые слова: М.Н. Катков, «Русский вестник», «Московские ведомости», миссия, журналистика, независимость, обязанности, профессиональный долг.

In article views of the famous Russian publicist, editor and publisher of M.N. Katkov on a journalism mission in society, his understanding of a role and the place of the journalist come to light the second 19th century. It is specified that M.N. Katkov considered journalism as a political duty, and the task of the publicist in advocating the interests of the emperor and people of Russia. It is proved that M.N. Katkov considered independence and freedom of expression the main principle the professional journalist of activity.

Keywords: M.N. Katkov, «Russkij Vestnik», «Moscovskie Vedomosti», mission, journalism, independence, duties, professional duty.

Михаил Никифорович Катков – одна из самых заметных фигур в журналистике второй половины XIX века. На протяжении более чем тридцати лет (1856-1887) он являлся редактором и издателем ежемесячного общественно-политического журнала «Русский вестник» и четверть века (1863-1887) возглавлял общероссийскую газету «Московские ведомости», которую в 1863 г. арендовал у Московского университета и быстро превратил из полупровинциального издания в одну из самых авторитетных газет России и главный рупор отечественного консерватизма. Вместе с тем многими

коллегами по журналистской профессии Катков воспринимался как ренегат и отступник, они неоднократно обвиняли его в политической конъюнктурности, приспособленчестве к «интересам момента», в стремлении использовать влияние, каким он обладал как публицист и редактор, в своих личных целях, в давлении на правительство ради достижения собственных выгод, в устремлениях обеспечить свободу исключительно для собственных изданий и т.п. В советский период Катков и его издания рассматривались как символ охранительной журналистики и политической реакции, замалчивались многие положительные отзывы о нем, игнорировались позитивные результаты его деятельности, большая часть его публицистического наследия была забыта, и лишь в последние два десятилетия личность и профессиональный опыт Каткова стали предметом пристального внимания исследователей: журналистов, историков, политологов.

В данной статье сделана попытка анализа взглядов М.Н. Каткова на миссию журналистики в обществе. В целях более объективной оценки следует принять во внимание обстоятельства и условия, в которых приходилось существовать тогдашнему журналистскому сообществу и с которыми журналистам и редакторам тех лет (и Каткову в том числе) волей-неволей приходилось считаться. Впервые, границы гласности в России в 1850-1880-е гг. постоянно существенно менялись, принимались новые законы и постановления относительно печати, чередовались лица, в чьи непосредственные обязанности входил контроль за соблюдением цензурных установлений и т.д., и редакторам и журналистам приходилось прилагать немало усилий, а зачастую и прибегать к определенным уловкам и приемам, чтобы обеспечить «цензурную безопасность» своих изданий.

Во-вторых, заметным явлением в политической жизни России, начиная с середины 1850-х гг. стало возникновение политических группировок и политических комбинаций в рамках российской государственной элиты, что

явилось результатом расширения границ гласности и появления возможностей публичного обсуждения и обмена политическими суждениями. В окружении Александра II и затем Александра III в разные периоды большую роль играли такие государственные деятели, как П.А. Шувалов, П.А. Валуев, Д.А. и Н.А. Милютины, А.В. Головин, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев и др., вокруг каждого из которых возникали «партии» - круг приближенных лиц, объединенных общим видением ситуации, схожими политическими взглядами, ориентацией на ту или иную политическую программу. Каждая такая «партия» стремилась усилить свое воздействие на императора и склонить его к принятию тех государственных решений и к одобрению тех законов, которые, по мнению ее лидера, были наиболее правильными. Между «партиями» всегда существовали скрытые, как правило, конфликты, редко приводящие к открытому противостоянию, но от этого не менее ожесточенные. Некоторые из высокопоставленных государственных чиновников, понимая, насколько велико может быть влияние прессы на общественное мнение, стремились использовать в своих интересах авторитет печати, подчинить ее своему влиянию, использовать в борьбе против своих политических оппонентов и т.п. От мнений, настроений и влияния представителей этой политической элиты зачастую во многом зависела судьба периодических изданий, и журналистам, редакторам, издателям волевым образом приходилось принаравливаясь к меняющимся обстоятельствам, искать поддержку среди влиятельных лиц в правительстве.

На протяжении всего периода своей профессиональной деятельности М.Н. Каткову неоднократно приходилось обращаться к вопросу о том, какими принципами должен руководствоваться журналист, существуют ли какие-либо обязательства журналиста перед его аудиторией и т.п. Как правило, он писал об этом в передовых статьях «Московских ведомостей», публично отвечая на обвинения публицистов других изданий в политической ангажированности, пристрастности, в получении субсидий от правительства и т.п. Рассуждения о миссии журналистики, о том, каким образом должны выстраиваться отношения между печатью и властью, можно встретить в его записках и письмах, адресованных чиновникам, начиная от председателя Московского цензурного комитета и заканчивая министром внутренних дел, поводом для написания которых служили замечания цензурных органов в адрес его изданий [1]. Во всех случаях, когда речь шла о репутации своих изданий, Катков отнюдь не избегал полемики бросался в бой, отвечая на выпады своих оппонентов решительно, напористо и, главное, аргументированно и доказательно.

Миссию журналистики редактор-издатель «Русского вестника» и «Московских ведомостей» видел в стремлении «верно и добросовестно служить общественному мнению, доставляя ему все нужные сведения, возбуждая его энергию и способствуя правильности его суждений» [2]. Печать он считал одним из важнейших средств формирования общественного мнения, инструментом выработки национального самосознания и воспитания уважения к себе как к нации, орудием борьбы с административно-бюрократическим произволом, нигилистическими учениями и т.п., но при условии, что эта печать будет руководствоваться принципами гласности и публичности и останется независимой и свободной от «административной опеки» [3]. «Недостаток публичности, - подчерки-

вал он в передовых статьях «Московских ведомостей», - есть одна из главных причин того неуважительного мнения, которое мы, русские, имеем о самих себе. Мы обращаем все наше внимание на то, что делается в чужих краях, где публичные дела совершаются со свойственной им публичностью, и наши мыслящие люди живут в фантастической стихии, принимая воображаемое участие в чужих интересах и не зная того, что происходит в окружающей их среде» [4].

Будучи сторонником соблюдения строгих законности в отношениях государства и общества, Катков последовательно отстаивал мысль, что правительством должны быть определены четкие границы гласности, в пределах которых всякое вмешательство будет считаться насилием, и настаивал на предоставлении журналистике свободы в изложении мнений в рамках, четко ограниченных законом: «Весь интерес и польза литературы состоит в том, чтобы она предлагала мнения и сведения с полной самостоятельностью. Только при этом условии мыслящие умы, таланты могут приносить пользу администрации» [5]. По его мнению, правительство могло бы предлагать литературе «на рассмотрение и обсуждение те или другие административные, политические или финансовые вопросы», вызывая тем самым «все лучшие умы в обществе содействовать ему в их разрешении» [6. С. 441-442.]. Он справедливо полагал, что в интересах правительства - не стеснять печать, а предоставить ей возможность свободного развития и право высказывать по всем предметам как можно более разнообразных мнений, что будет способствовать возбуждению общественного сочувствия к начинаниям власти.

Допуская возможность взаимного сотрудничества печати и правительства, Катков был решительно против какого бы то ни было давления на печать со стороны власти, в каких бы мягких и завуалированных формах оно не проявлялось, и подчеркивал, что «употребление правительством литературы для проведения в публику своих видов ведет к умственному разврату и нравственному растлению» [7. С. 246-248]. «Истина не должна бояться гласности, - писал он в одной из записок в Московский цензурный комитет, отстаивая свою точку зрения на свободу печати и не желая смиряться с вмешательством цензуры в дела своих изданий, - и кто считает свое дело правым, тому вдвойне грешно пользоваться правом сильного и налагать молчание на уста противника» [8].

Катков считал недопустимым зависимость печати не только от властных структур, но и от общественных групп и партий, настойчиво доказывая, что журналист должен руководствоваться лишь собственной совестью, ответственностью перед верховной властью в лице императора и своим профессиональным долгом перед аудиторией. Только при этом условии, по его мнению, пресса сможет «верно и добросовестно служить общественному мнению». На протяжении всей своей многолетней деятельности он не раз публично заявлял о том, что как редактор и публицист, не связан ни с каким кружком, ни с какой партией, не имеет никаких «посторонних целей», никаких «затаенных тенденций», а более всего «дорожит независимостью своих воззрений и своего слова» [9]. Он писал, что его газета, «сохраняя полную независимость от лиц и партий, старалась всеми силами служить общим интересам русского правительства и руководствоваться только своей совестью» [10]. Профессиональное кредо Каткова достаточно точно, на наш

взгляд, характеризует цитата из одной из его передовых статей в «Московских ведомостях»: «Мы не знаем и не хотим знать никаких партий в правительстве; мы никогда не находились и не находимся ни в каких обязательных отношениях к тому или другому из правительственных лиц. Мы сочувствуем или не сочувствуем тому, чему велит нам сочувствовать или не сочувствовать наша совесть. Мы не имеем никаких предубеждений или пристрастий, ... готовы сочувствовать и способствовать во всем добром на пользу России, не разбирая, какого оно цвета, консервативного, либерального или радикального» [11].

Вышеприведенные заявления не были лишь декларацией. Приведем несколько характерных примеров из профессиональной практики Каткова в разные годы, подтверждающих, на наш взгляд, факт того, что у редактора-издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей» слова не расходились с делами.

В 1863 г. Катков решительно отказался от очень лестных предложений министра народного просвещения А.В. Головнина, который попытался заручиться его поддержкой в обмен на целый ряд льгот и преимуществ его изданиям. Либерально настроенный Головнин стремился привлечь прессу к обсуждению важнейших мероприятий своего министерства и, надеясь найти в Каткове союзника, конфиденциально предложил ему напечатать особой брошюрой статьи по польскому вопросу, опубликованные в «Московских ведомостях» и в «Русском вестнике» с последующей рассылкой 1200 экземпляров сборника в учебные заведения, русским подданным за границу и секретарям российских посольств. Кроме того, министр готов был предоставить «Московским ведомостям» скидку в оплате почтовых услуг в сумме двух рублей с каждого посылаемого по почте экземпляра. Также министр предлагал открыть в газете педагогический отдел, причем Министерство народного просвещения готово было «оказывать помощь» в организации статей и обязывалось ежегодно закупать от двух до двух с половиной тысяч экземпляров газеты для рассылки по учебным заведениям [12. Л. 45-46]. В условиях жесткой конкуренции со стороны петербургских изданий Катков был заинтересован в подобных материальных выгодах для «Московских ведомостей», за аренду которых вместе с правом пользования университетской типографией он ежегодно выплачивал университету 74 тысячи рублей. В случае согласия он мог бы изрядно облегчить финансовое положение своего издания: в 1863 г. экономия на почтовых расходах составила бы от 8 до 10 тысяч рублей (при ежегодной отправке от 4 до 5 тысяч экземпляров), а в 1864-1865 гг., когда тираж газеты вырос до 12 тысяч экземпляров - от 15 до 18 тысяч рублей. Предложение о закупке 2 - 2,5 тысяч экземпляров газеты, в случае его осуществления, также сулило Каткову дополнительные доходы на сумму от 24 до 30 тысяч рублей в год. Однако столь явная материальная выгода от этих предложений Головнина, а также поставленное министром условие секретности явно указывали на то, что в результате редакция окажется в зависимом от министерства положении и будет вынуждена взять на себя определенные обязательства. Не без оснований увидев в предложениях Головнина если не прямую, то косвенную субсидию газеты, Катков занял бескомпромиссную позицию, отказавшись от каких бы то ни было вариантов сотрудничества.

В эти же годы министр внутренних дел П.А. Валуев

также пытался превратить «Московские ведомости» в транслятор правительственной точки зрения, но, в отличие от Головнина, действовал осторожнее и не столь прямолинейно. Он лишь предложил Каткову конфиденциально обмениваться мнениями, на что последний, будучи заинтересован в расширении возможностей доступа к информации и ее размещения в газете, согласился. Между ними завязалась оживленная переписка, однако взгляды министра и редактора на происходящие в стране изменения во многом не совпадали, что привело сначала к непониманию, а затем - к острому конфликту. Катков был готов соглашаться с Валуевым только в тех вопросах, в которых его собственное мнение не расходилось с позицией министра, но вместе с тем не собирался руководствоваться его предписаниями и тем самым ставить свое издание в зависимость от благорасположения высокопоставленного чиновника. Показателен случай с бароном С.А. Френкелем - крупным финансовым дельцом, владельцем варшавского банкирского дома, клиентами которого были многие петербургские сановники. В июле 1864 г. Валуев рекомендовал Каткову Френкеля, который даже ездил в Москву, чтобы с ним познакомиться [13. С. 356-357]. Но Катков в целом ряде статей разоблачил невыгодную для рядовых клиентов политику банка, согласно уставу которого вклады бесконтрольно поступали в распоряжение банковского правления. Такой поступок Каткова был весьма рискованным, потому что Френкель приходился другом товарища министра государственных имуществ Н.А. Генгросса, находившегося в приятельских отношениях с Валуевым.

Со своей стороны, Валуев стремился сохранить внешнюю видимость своего строгого отношения к «Московским ведомостям» и одновременно - угодить Каткову: в письмах ему он заявлял о сочувствии направлению его газеты и одновременно писал в Московский цензурный комитет о необходимости сделать административное внушение редактору «Московских ведомостей». В отличие от Валуева - тонкого и расчетливого политика, прямолинейный, неуступчивый Катков не хотел принимать двусмысленного характера подобных отношений, не желал подстраиваться под диктуемые ему сверху мнения и действовать в условиях «двойных стандартов» со стороны министра. В результате уже в конце 1864 г. отношения Каткова с Валуевым перешли в фазу открытого противостояния, а в 1866 г. «Московские ведомости» получили три предостережения и даже были приостановлены. Анализ переписки Каткова с Валуевым, материалов Московского цензурного комитета, мемуарной литературы и дневниковых записей демонстрирует, что позиция редактора «Московских ведомостей» была далека от того, что его противники называли «изворотливостью», «угодливостью» и «умением держать нос по ветру». Напротив, в истории с Валуевым Катков проявил твердость и решительность, был готов отказаться от редактирования газеты, нежели уступить министру, действия которого считал несправедливыми и идущими вразрез с принятыми 6 апреля 1865 г. Временными правилами о печати. В результате решением самого императора он был оставлен на посту редактора «Московских ведомостей». Таким образом, несмотря на настойчивое стремление власти превратить издание в послушный правительственный официоз, газете удалось сохранить независимость суждений, а Катков сумел доказать, что журналист в своей деятельности может

руководствоваться не мнением «сверху», а собственной точкой зрения [14].

Независимость от посторонних влияний и мнений оставалась главным принципом профессиональной деятельности Каткова и в 1870-е гг. В этот период его издания нередко выступали против господствующих в высших правительственных сферах мнений, критиковали те решения правительства, которые считали вредными и идущими вразрез с национальными интересами страны. Ярким примером могут служить передовые статьи Каткова в «Московских ведомостях» конца 1860 - начала 1870-х гг., предметом критики которых являлись действия виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова, который в 1868 г. сменил на этом посту знаменитого М.Н. Муравьева. Делая значительные уступки польскому дворянству и католичеству, Потапов позволял открыто высказывать пренебрежительное отношение к служителям православной церкви и ограничивал права крестьянства, тем самым компрометируя политику российского правительства в глазах белорусских и польских низших слоев населения [15]. Однако проводимая Потаповым политика смягчения установленной после восстания 1863 г. жесткой системы управления краем у многих находила поддержку: и в правительстве, и среди представителей российской аристократии у него было немало сторонников и защитников.

А.Л. Потапов в начале своей деятельности в Вильно попытался заручиться поддержкой «Московских ведомостей», но редактор заявил о своей готовности оказывать лишь те услуги, какие «печать может оказывать правительственным деятелям во исполнении предначертаний верховной власти», и решительно отказался от каких-либо обязательств по отношению к виленскому генерал-губернатору [16]. «Московские ведомости» начали систематически писать о том, что распоряжения Потапова способствуют усилению сепаратистских настроений и упрочению интересов польского помещичьего дворянства в Польше и Западных губерниях и сводят на нет результаты крестьянской реформы, усугубляют недоверие местного крестьянства к проводимым российским правительством преобразованиям. Одновременно с борьбой против Потапова газета писала о злоупотреблениях помещичьими правами и нарушениях прав крестьян в Прибалтийских губерниях, указывала на сепаратистские тенденции, господствующие среди привилегированных немецких сословий этих территорий, и даже предупреждала о возможности утраты этих губерний для России вследствие намеренно усиленной германизации края. Подобные выступления «Московских ведомостей» шли вразрез с политикой правительства, которое отнюдь не стремилось привлекать внимание общественности к ситуации в западных губерниях, а с другой стороны - не желало долго терпеть даже самой благонамеренной критики своих решений и действий представителей местной администрации. Катков, напротив, видел свой профессиональный и нравственный долг именно в привлечении внимания общества и власти к тем вопросам, которые составляли насущный интерес нации и государства. «Мы рискуем прослыть людьми беспокойными и назойливыми, которые ввязываются не в свое дело, - писал он в одной из своих передовых статей. - Но мы полагаем, коль скоро у нас допущено публичное суждение о предметах общего интереса, то нет такого общего дела, которое не было бы для каждого более или менее своим делом» [17]. Именно

в этом - «заботиться об интересах целого», - Катков видел свою «нравственную [курсив «Московских ведомостей» - Е.П.] обязанность» [17].

В результате в январе 1870 г. «Московские ведомости» вновь получили предупреждение, инициатором которого стал А.Е. Тимашев, в марте 1868 г. сменивший Валуева на посту министра внутренних дел, который являлся сторонником более решительных мер в отношении печати и не был не склонен к заигрыванию с прессой. Передовая статья Каткова, опубликованная 25 января как отклик на репрессивную правительственную меру в отношении его газеты, представляет собой одно из самых сильных и ярких публицистических выступлений, в котором отражено его профессиональное кредо как публициста и редактора, его взгляд на долг и обязанности журналиста. «Если каждому предоставлено право принимать к сердцу интерес государства, то всякий обязан делать что может и к чему есть у него орудие. Таким орудием в наших руках было публичное слово, - писал Катков. - <...> Мы видели в ней [в публичной деятельности - Е.П.] святое для себя призвание, которому должны были посвятить все наши помыслы и силы. Мы должны добиваться правды, мы должны [курсив «Московских ведомостей» - Е.П.] говорить правду во что бы то ни стало. И мы говорили без утайки все что видели и разумели» [18].

Тематика и содержание передовых статей «Московских ведомостей», последовавших вслед за получением предостережения, демонстрировали, что принципы, заявленные Катковым в статье от 25 января, представляли не поверхностные заявления и не «громкие, высокопарные фразы», в чем не раз обвиняли Каткова его оппоненты, а четкую и взвешенную, обдуманную позицию, которая оставалась неизменной, несмотря на угрожающую газете опасность в виде возможных административных или судебных мер. С поразительной настойчивостью, упорством и убежденностью редактор «Московских ведомостей» вел свою линию и не собирался отказываться от борьбы. Имея на счету предостережение, в условиях усиливающегося давления со стороны цензуры, когда многие статьи его газеты рассматривались полным составом Московского цензурного комитета, а доклады об их содержании поступали на рассмотрение Главного управления по делам печати [19], Катков в течение всего 1870 г. продолжал систематически публиковать материалы, в которых доказывал вред, наносимый действиями администрации А.Л. Потапова в Северо-Западном крае, защищал интересы местного крестьянского населения, по-прежнему много писал о ситуации в Прибалтийских и Западных губерниях и т.п.

С другой стороны, издания Каткова в 1870-е гг. шли против той значительной части российской интеллигенции и печати, которая заявляла о себе как либеральная и в глазах которой они постепенно утрачивали авторитет и превращались в символ «охранительства» и едва ли не ретроградства. Особенно наглядно это проявилось в публикациях «Московских ведомостей», написанных в связи с политическими процессами 1870-х гг., в первую очередь - процессом «нечаевцев» и процессом В.И. Засулич, герои которых не без помощи либеральной общественности приобрели романтический ореол «героев-мучеников» и «жертв режима». «Московские ведомости» стали одним из немногих отечественных органов печати, решившихся выступить с резкой критикой в адрес суда, действия которого превратили

подсудимых в мучеников за идею, в героев, достойных подражания, пример исполнения гражданского долга и проявления личного мужества [20-21]. Издания Каткова указывали на недопустимость снисходительного и легкомысленного отношения общества к политическому террору, доказывали его несомненную опасность и пытались разрушить сочувственные настроения по адресу его носителей и т.д.

Не желая «попадать в тон» ни лицам в правительстве, ни либеральным устремлениям, «Московские ведомости» и «Русский вестник» оказались словно бы «между двух огней» и противостояли, с одной стороны, власти и цензуре, а с другой – либеральным тенденциям в российском обществе, идя, таким образом, «против течения».

Зачем Катков так решительно вызывал на себя гнев лиц, облеченных правительственной властью, и огонь общественного негодования? Что заставляло его рисковать своим успехом у аудитории и ставить свои издания под удар цензурных репрессий? Был ли в его действиях какой-либо заранее спланированный расчет? Если принять во внимание характер Каткова, решительность и бескомпромиссность, с которыми он всегда отстаивал те идеи, в правоте которых был убежден, то можно предположить, что им двигали отнюдь не коммерческие расчеты, не стремление к личному успеху, не безрассудство, а искреннее и честное желание убедить Александра II и русское общество в том, что он считал полезным Отечеству. В этом, а не в подлаживании под чужие мнения, он видел свой долг журналиста и подданного императора. Отказаться от борьбы, от защиты своих ключевых положений, смириться с положением вещей или, по собственному его выражению, «понизить тон» – было для него равнозначно обмануть доверие и самого Александра II, и «народного чувства», формированию которого в первую очередь способствовала именно его газета и которое, по его мнению, составляло главную силу русского государственного единства. Ради сохранения этого «народного чувства» Катков готов был пойти на любые риски, жертвовать собственной карьерой и состоянием.

В 1880-е гг. в период правления Александра III современники называли Каткова «подспудным премьером» [22. С. 445] и приписывали ему огромную власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора, а «Московские ведомости» не только в России, но и в Европе воспринимались как официальный орган государственной власти. Однако можно ли рассматривать газету как правительственный официоз, а выступления Каткова – как исходящие от лица верховной власти и отражающие ее взгляды? Сохранил ли журналист, получивший со стороны императора все доказательства доверия к нему и в его лице – его издания, верность тем принципам независимости журналистики от властных структур, от политических группировок, которые он декларировал на протяжении всего предшествующего периода?

Сам Катков в эти годы не переменным условием любой публичной общественной деятельности, к которой он относил и журналистику, называл благонамеренность. Это слово, имевшее еще в пушкинский период значение «имеющий намерения, не противоречащие принятым в обществе порядкам, законам и т.п.», во второй половине XIX в., во многом благодаря выступлениям публицистов демократических изданий, и в первую очередь – М.Е.

Салтыкова-Щедрина, приобрело негативный смысл, означающий: «преданный монархическому строю, придерживающийся официального образа мыслей, угодный правительству, одобряемый правительством». В отличие от коллег-журналистов демократического и либерального лагеря, Катков понимал «благонамеренность» как «служение не общему принципу, а определенной действительности, не государству вообще, а России, и не просто России, а Русскому Монарху» [23]. В его системе взглядов синонимами «благонамеренности» были «рассудительность», «обдуманность», «благонадежность», «порядочность» и т.п., а понятия «Россия» и «Отечество» были неотделимы от понятий «монарх» и «государство».

Благонамеренность журналиста в представлениях Каткова не исключала его независимости, и по настоящему благонамеренным он считал лишь того представителя печати, кто «не будет холопствовать перед сильными людьми, не закабалит себя никакой партии, <...> и заботиться будет не о том, что о нем скажут, а только о том, что скажет он сам. Что внушает ему долг и что видит он ясно, то скажет он твердо пред кем бы то ни было и во что бы то ни стало» [23]. Точно так же Катков не разделял понятий «долг» и «право» журналиста. Он настаивал на том, что право журналиста «касаться всех предметов управления, поднимать вопросы, обсуждать законы и действия властей, выдвигать ту или другую группу интересов, создавать и направлять общественное мнение, представлять в том или другом свете события, так или иначе группировать факты» и есть его долг как верноподданного своего государя [23]. Долг «Московских ведомостей» как серьезного политического органа он видел в том, чтобы «не только давать отпор злу, когда оно само представится, но и выслеживать его где бы оно не гнезилось и какую бы личину не принимало. <...> доискиваться правды во всем и раскрывать ее, не смущаясь ни перед чем, не допуская никакого лицепрятия, не вступая ни в какие торги с совестью, не давая сбить себя никакими прельщениями, с одной стороны, никакими вынуждениями, с другой. <...> Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совести» [24].

В эти годы Катков открыто критиковал в «Московских ведомостях» действия многих высокопоставленных чиновников: министра внутренних дел Н.П. Игнатьева и выдвинутую им идею созыва Земского собора, министра финансов Н.Х. Бунге и отстаиваемую им либеральную экономическую доктрину, министра иностранных дел Н.К. Гирса, представителей высших судебных инстанций... Редактор «Московских ведомостей» прямо писал, что считает действия этих лиц в правительстве вредными и пагубными для России, и его критические выступления были едва ли не более резкими и вызывающими, нежели те, которые позволяли радикальные нелегальные издания. Прямое осуждение со стороны «Московских ведомостей», в свою очередь, вызывало недовольство и противодействие со стороны правительственных лиц. Как отмечали современники Каткова, «вся его карьера прошла в оппозиции, и не было почти случая, когда он был вполне доволен Петербургом, как еще реже, мы думаем, были случаи, когда Катковым были довольны в Петербурге» [25. С. 145].

Таким образом, и в 1880-е гг. Катков предъявлял к печати те же требования и критерии, что и в предшествующие периоды своей деятельности – верность престолу, независимость от частных домогательств и интересов,

строгое соблюдение законов, добросовестное обсуждение в печати вопросов жизнедеятельности государства и общества и т.п. Заявляя о себе как о верном слуге императора, Катков проводил грань между служением монарху, которое он не отделял от служения Отечеству и государству, и услужением министрам, неоднократно подчеркивая, что он является «верноподданным своего Государя, но отнюдь не признает себя верноподданным министров» [26], и потому свой долг и – одновременно – свое право видел в том, чтобы указывать на те действия правительства, которые считал ошибочными или даже вредными. Катков подчеркивал, что имеющееся у журналистов право общественного слова обязывает их «радеть о пользах Государя и государства и предупреждать всякий ущерб и вред им» и потому в случае столкновения «с интересами, которые пользуются привилегиями власти, <...> но не всегда служат ей должным образом, <...> и нередко вредят ее делу вместо того чтобы служить ему» – долг и обязанность печати – предать эти факты гласности [27]. В своих передовых статьях он по-прежнему настаивал, что «закон дозволяет вообще обсуждение и законов, и правительственных действий; стало быть, нельзя считать делом предосудительным критику правительственных мер, хотя бы и резкую, но добросовестную, т.е. не прибегающую к пословице и не выходящую из пределов приличия», и требовал от административной власти «уважать и ограждать допущенную законом свободу мнения, хотя бы в данном случае оно и против него было направлено» [28].

Позицию своей газеты по всем текущим вопросам – национальному, восточному, финансовому и т.д. – Катков демонстративно отказывался связывать не только с интересами какой-либо партии в правительстве, но и с основными направлениями в российской политической мысли: консерватизмом и либерализмом. «Вопрос отнюдь не в том, либералы мы или консерваторы, – неоднократно заявлял он в передовых статьях, – весь вопрос в том, хорошо ли мы служим, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мера делу нашего служения, а не в том, либерального ли она пошиба или консервативного» [29]. Вместо казавшихся ему надуманными и оторванными от реальной практики понятий «либеральное» и «консервативное направление», Катков предлагал исходить из того, что «соответствует действительным потребностям страны в данное время». Эту логику он неоднократно называл логикой «здорового смысла», считая, что именно такой подход наиболее правилен с точки зрения интересов государства, императора и всех его подданных. Именно требованиями «здорового смысла», а отнюдь не конъюнктурными соображениями, как представляется, объяснялись изменения позиции «Московских ведомостей» по ряду ключевых вопросов. По воспоминаниям современников, Катков «часто развивал мысль о невозможности оставлять всю жизнь на одной точке зрения, что надо плыть по волнам жизни, а не бесцельно бороться с ними, что часто то, что кажется в молодости «святыней», представляется потом только «красивыми словами», и что суровая действительность требует жертв и отречений от несбыточных утопий...» [3. С. 1020]. Однажды на вопрос о том, может ли журналист менять убеждения, Катков, в совершенстве знавший немецкий язык и немецкую литературу, вместо ответа процитировал своего любимого Г. Гейне: «Другие времена – другие птицы, другие птицы – другие песни» [31. С. 386-387]. Задавший вопрос Р.И. Сементковский понял

ответ Каткова в том смысле, «что можно менять убеждения сколько угодно», однако редактор «Московских ведомостей» имел в виду, скорее всего, то, что в журналистской деятельности следует руководствоваться не застывшими в неподвижности «доктринами» и «принципами», а трезвым взглядом на жизнь, «здравым смыслом» и требованиями реальной действительности. Как отмечал хорошо знавший редактора «Московских ведомостей» князь В.П. Мещерский, Катков «мог изменить свои убеждения, но изменить им [подчеркивание Мещерского – Е.П.], т.е. отступить от них неискренно и неразубежденным – Катков не мог» [32. С. 261-262]. Поэт и философ В.С. Соловьев, бывший в 1870-е – начале 1880-х гг. постоянным гостем в доме Каткова и автором его изданий, решительно отвергал само предположение о том, «чтобы Катков был способен в важных вопросах кривить душой, сознательно изменять свои взгляды и свои указания ради каких-нибудь низменных своекорыстных соображений». «Этот человек доказал, – писал Соловьев, еще при жизни журналиста разошедшийся с ним “по принципиальным соображениям”, – что в решительную минуту он способен все поставить на карту, готов рисковать всем своим личным положением и благополучием ради того, что он считал пользой своего Отечества» [33, с. 633].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Свою журналистскую деятельность Катков изначально рассматривал как государственную службу, «но не в мундире, без жалований и наград», видя ее отличие от службы в официальной должности лишь в том, что печать «предоставлена собственной инициативе, не находится ни в каком подчинении по начальству и действует не по приказу, а по совести» [23]. В своих передовых статьях в «Московских ведомостях» Катков видел словно бы ежедневные доклады государю «по делам особой государственной важности», как он признавался в одном из писем Александру III в 1884 г. [34]. Количество этих «докладов» огромно: принятые наследниками издание передовых статей, написанных Катковым или при его непосредственном участии с 1863 по 1887 гг., составило 25 больших томов, объем которых превышал 18 тысяч листов. В этом служении Катков видел и свой долг как верноподданного императора, и свою политическую обязанность как редактора и публициста, чья деятельность является публичной, и свою ответственность, причем в его представлениях интересы «государства», «отечества» и «императора» представляли единое нераздельное целое.

С другой стороны – Катков видел свою миссию журналиста и публициста в том, чтобы отстаивать интересы народа России, а одну из основных обязанностей своей газеты – в том, чтобы быть органом свободного мнения. Показательны его слова, сказанные в марте 1886 г. графу П.А. Шувалову в ответ на упреки, что его газета «слишком далеко заходит в своей брани против лиц, стоящих во главе финансового управления»: «Я стою у окна и вижу, что русский народ грабят; буду кричать «караул», и никто не вправе требовать от меня, чтобы я молчал» [35. С. 435].

Анализ документов – переписки, воспоминаний, материалов цензурных органов и т.п. – свидетельствует, что Катков на протяжении всей своей многолетней редакторской деятельности всегда служил государству, отечеству и императору, но никогда – интересам государственных и частных лиц, облеченным властными

привилегиями. Он не приноравливался и не приспосабливался к интересам различных группировок в правительстве, никогда не шел на поводу у высокопоставленных чиновников и бюрократической государственной элиты, не стремился «понравиться» влиятельным лицам или угодить господствующим в обществе «модным» теориям и мнениям, не преследовал каких-либо личных целей, а во всех случаях руководствовался соображениями государственной пользы, защищая те положения и принципы, которые считал верными и полезными. Эти представления Каткова могли соответствовать или, напротив, идти вразрез с правительственным курсом в том или ином вопросе, могли быть ошибочными, но они никогда не были конъюнктурными, исходящими из каких-либо личных, а уж тем более корыстных соображений.

Литература

1. Катков М.Н. Объяснительная записка по поводу статьи «Турецкие дела» (Русский вестник, 1858, № 4,5,9) // ЦГА Москвы. Ф.31. Оп.5. Ед. хр. 132.
2. Об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. // Московские ведомости. 25.10.1862. № 232.
3. Передовая статья // Московские ведомости. 22.07.1866. № 154.
4. Передовая статья // Московские ведомости. 6.03.1864. № 52
5. Катков М.Н. Записка министру народного просвещения Е.П. Ковалевскому по поводу опубликования во второй декабрьской книжке «Русского вестника» статьи о Берлинском комитете прессы. 7 апреля 1859. // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. 4795.
6. Политическое обозрение // Русский вестник. 1858. Декабрь. Кн. 2.
7. Современная летопись // Русский вестник. 1859. Февраль. Кн. 1.
8. Катков М.Н. Письмо в Московский цензурный комитет от 29 июля 1858 г. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 132.
9. Об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. // Московские ведомости. 25.10.1862. № 232.
10. Передовая статья // Московские ведомости. 26.09.1865. № 210.
11. Передовая статья // Московские ведомости. 23.01.1869. № 18.
12. Головин А.В. Письмо М.Н. Каткову. 7 июня 1863 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
13. Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 20 июля 1864 г. // Русская старина. 1916. Кн. 6.
14. Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863-1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета Серия Филология. - 2015. - № 4 (36). - С. 163-179.
15. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. – 439 с.
16. Передовая статья // Московские ведомости. 11.11.1869. № 246.
17. Передовая статья // Московские ведомости. 14.08.1869. № 178.
18. Передовая статья // Московские ведомости. 25.01.1870. № 20.
19. Журналы Московского цензурного комитета. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 543 (1), 544 (1), 544 (2), 545 (1) и др.
20. Перевалова Е.В. С.Г. Нечаев и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2014. - Выпуск 4. <http://www.mediascope.ru/node/1596>.
21. Перевалова Е.В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета права и экономики. - 2015. - Т. 4. - Выпуск 1. - С. 29-41.
22. Бартенев П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
23. Передовая статья // Московские ведомости. 9.11.1882. № 311.
24. Передовая статья // Московские ведомости. 10.12.1886. № 341.
25. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
26. Передовая статья // Московские ведомости. 1.03.1881. № 60.
27. Передовая статья // Московские ведомости. 12.05.1882. № 130.
28. Передовая статья // Московские ведомости. 26.08.1881. № 236.
29. Передовая статья // Московские ведомости. 21.11.1879. № 297.
30. С.У. Мозаика (Из старых записных книжек) // Исторический вестник. - 1912. - Кн. 12.
31. Сементковский Р.И. Среди отошедших // Исторический вестник. - 1917. - Кн. 5-6.
32. Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров. 2001.
33. Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1989. Т. 2.
34. Катков М.Н. Письмо императору Александру III. 1884 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 52. Ед. хр. 12.
35. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. 1. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.